

УДК 343.2

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/61>

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ И СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕРМИНОВ В ТЕКСТЕ

©Салыбекова Т. С., Кыргызский национальный университет
им. Жусупа Баласагына, г. Бишкек, Кыргызстан

CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL ENTITIES AND THE CORRESPONDING USE OF TERMS IN THE TEXT

©Salybekova T., Kyrgyz National University
named after Zhusup Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan

Аннотация. Раскрывается содержание квазиуголовной ответственности юридических лиц в уголовном законодательстве Кыргызской Республики, как результат теоретических исследований юридического сообщества, как решение спорного вопроса теории уголовного права применительно к категории «юридическое лицо как субъект уголовной ответственности», а также намечает направление дальнейшего развития института уголовной ответственности юридических лиц в уголовном праве Кыргызстана.

Abstract. The content of quasi-criminal liability of legal entities in the criminal legislation of the Kyrgyz Republic is revealed, as a result of theoretical research of the legal community, as a solution to a controversial issue in the theory of criminal law in relation to the category “legal entity as a subject of criminal liability”, and also outlines the direction for further development of the institution of criminal liability of legal entities in criminal law of Kyrgyzstan.

Ключевые слова: квазиуголовная ответственность, уголовная ответственность, штраф, юридические лица.

Keywords: quasi-criminal liability, criminal liability, fine, legal entities.

В Кыргызстане на протяжении многих лет, в ходе судебно-правовой реформы 2012–2019 годов, проводились работы по вопросам имплементации конвенциональных положений об установлении уголовной ответственности юридических лиц. Как мы уже отмечали, в результате тщательного анализа положений международных нормативных актов и исследования мировой практики применения уголовной ответственности юридических лиц, а также решения теоретических вопросов уголовного права был закреплен в кыргызском уголовном законодательстве 2017 года институт уголовной ответственности юридических лиц, как принудительные меры уголовно-правового воздействия. Как отмечают кыргызские ученые: «Это совершенно новый институт уголовного права. Главная проблема юридической конструкции уголовной ответственности юридического лица связана с субъективной стороной деяния. Как известно, обязательное условие уголовной ответственности – вина, понимаемая как психическое отношение лица к содеянному противоправному деянию. Однако юридическое лицо, будучи юридической фикцией, не может иметь никакой психики и, соответственно, непосредственно к юридическому лицу понятие вины не применимо. Только физическое лицо может совершить преступление» [1].

А юридическое лицо, согласно доктринальным положениям современного уголовного права, может быть лишь причастным к совершению преступного деяния и понести уголовную ответственность как за причастность к совершенному преступлению. Итогом научных изысканий стало то, что в Уголовном кодексе КР2017 года была установлена, так называемая, «квазиуголовная» ответственность юридического лица, которое не является субъектом преступления, но по отношению к нему применяются принудительные меры уголовно-правового воздействия, то есть он становится субъектом ответственности. Такой подход согласуется с принципом личной виновной ответственности, существующим в Уголовном кодексе, и не ломает ее структуры в целом. Примечательным для Уголовного кодекса 2017 года, является то, что в нем дано понятие юридического лица. Так в ст. 123 говорится, что юридическое лицо – это организация, созданная в соответствии с гражданским законодательством Кыргызской Республики, а также иностранное юридическое лицо. Также имеется специальная оговорка о том, что юридическими лицами не являются в понимании данной главы: государство, органы государственной власти, органы местного самоуправления Кыргызской Республики, юридические лица, осуществляющие возложенные на них законом отдельные государственные полномочия; иностранные государства, органы государственной власти иностранного государства, иностранные государственные органы; юридические лица, осуществляющие отдельные государственные полномочия, международные организации и их представительства (2).

Также необходимо отметить, что Уголовный кодекс 2017 года в этой же ст. 123 приводит основания применения принудительных мер уголовно-правового воздействия к юридическим лицам, заключающиеся в том, что противоправное деяние должно быть совершено физическим лицом от имени или посредством юридического лица; в интересах данного юридического лица, независимо от того, привлечено ли к уголовной ответственности такое физическое лицо. При этом отмечено, что применение принудительных мер уголовно-правового воздействия в отношении юридического лица не исключает уголовной ответственности физического лица за то же самое противоправное деяние, а также, что применение принудительных мер уголовно-правового воздействия в отношении юридического лица не освобождает его от обязательств по возмещению причиненного ущерба (2). Суд может возложить на юридическое лицо обязанность по возмещению причиненного ущерба в результате совершенного противоправного деяния. Это может быть выражено в возмещении имущественного ущерба, в предотвращении дальнейшего загрязнения окружающей среды, в обеспечении безопасных условий труда и др. [1].

В Уголовном кодексе КР 2017 года был четко определен перечень преступных деяний, при совершении которых могут быть, в отношении юридических лиц, применены принудительные меры уголовно-правового воздействия: акт терроризма; загрязнение атмосферы; загрязнение вод; злоупотребление полномочиями в коммерческой или иной организации; злоупотребление полномочиями частными нотариусами, аудиторами, экспертами или оценщиками; коммерческий подкуп; легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем; лжепредпринимательство; нарушение порядка проведения публичных торгов, аукционов или тендеров; нарушение правил охраны и использования недр; нарушение правил охраны рыбных запасов; незаконная порубка деревьев и кустарников; незаконное участие должностного лица в предпринимательской деятельности; организация финансовых пирамид; порча земли; посредничество во взяточничестве; дача взятки. публичные призывы к осуществлению террористической деятельности; рейдерство; содействие террористической деятельности; создание опасности для потребителей; торговля людьми; финансирование террористической деятельности. Также в Уголовном кодексе КР

2017 года был решен вопрос о видах принудительных мер уголовно-правового воздействия, перечисляющихся в ст. 124: «К юридическому лицу судом могут применяться следующие виды принудительных мер уголовно-правового воздействия: 1) штраф; 2) ограничение прав; 3) ликвидация юридического лица. Конфискация имущества юридического лица может применяться как дополнительная мера уголовно-правового воздействия», которые применяются к юридическому лицу в соответствии с частью 3-й статьи 26 указанного кодекса, что было отмечено казахским исследователем Р. Т. Нуртаевым, как положительное разрешение [2].

А также, по мнению А. Д. Урматовой термины в тексте следует употреблять в соответствии со значением: «Однозначное употребление юридической терминологии означает не только единое значение термина, но и его идентичное восприятие и единообразное толкование. Поэтому в процессе работы над внешним представлением нормативных правовых предписаний необходимо одновременно устранять не только синонимию и двусмысленность, но и все, что мешает связать известное значение со словом и безошибочно распознать объект, названный этим словом. Упорядочивая терминологию, т. е. фиксируя значение каждого термина данной системы понятий, устанавливается однозначность термина. Таким образом, наиболее важным и центральным вопросом в ряду лингвистических требований к терминологии является необходимость однозначного и унифицированного применения терминологии, которая уже однажды использовалась для обозначения определенного понятия» [3]. Поэтому необходимо обратить особое внимание на значение каждого термина, используемого в тексте. Таким образом, проведенное выше исследование позволяет нам сделать заключение, что в кыргызском уголовном законодательстве 2017 года был успешно решен вопрос имплементации требований международного права о введении института уголовной ответственности юридических лиц, которым соответствует, как отмечает российский исследователь В. Н. Сизова, «довольно широкое ее понимание в международных актах, включающее в себя применение уголовных наказаний и иных мер уголовно правового характера: очевидно, что юридические лица не во всех случаях выступают в качестве субъектов совершенных уголовных преступлений, иногда достаточным оказывается признание их субъектами уголовной ответственности. Определение уголовной ответственности в отношении юридических лиц в конкретных государствах определяется тем, что именно национальный законодатель понимает под данным определением» [4].

Также, необходимо заметить, что содержанием международных правовых актов, касающихся вопросов противодействия преступным деяниям в условиях глобализации и необходимости формирования «перспективной модели системы экономики, предусматривается возможность для законодателей различных стран рассмотреть вопрос о привлечении к уголовной ответственности лица, действовавшего в интересах компании, организации и самого такого учреждения, корпорации или предприятия, с помощью разработки необходимых направлений по предупреждению возможных преступных действий с их стороны и назначению справедливого наказания за совершение таких действий [5], что было учтено кыргызскими законодателями при составлении уголовных кодексов 2017 года. Рассматривая содержание международно-правовых документов регламентирующих установление уголовной ответственности юридических лиц в национальное законодательство, представляется необходимым обратить внимание на аналитическое исследование российского ученого

А. В. Федорова, являющегося в настоящее время активным сторонником введения данного института в уголовное законодательство Российской Федерации, который вычленил

в них основные положения исследуемого вопроса, нашедшие отражение в уголовных кодексах КР редакции 2017 года [5].

Так, в международно-правовых, актах, как например в ст. 10 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, 26 Конвенции ООН против коррупции и других зафиксировано, что юридические лица могут быть привлечены к уголовной ответственности в случаях участия в совершении преступления или причастности к нему и признается, что юридическое лицо может быть субъектом преступления и нести уголовную ответственность за содеянное. При этом указывается, что юридическое лицо принимает участие в преступлении наряду с физическим лицом, так как само по себе юридическое лицо как таковое не может совершить преступление без участия в этом физического лица. Отсюда вытекает другое положение, зафиксированное в международных документах, это положение об ответственности юридических лиц, в связи с совершением преступлений физическими лицами, как, например, положение статьи 9 «Конвенции о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства» предусматривает уголовные санкции или меры воздействия к юридическим лицам, от имени которых преступление было совершено их органами или членами или иным представителем (2).

Таким образом, юридическое лицо фактически признается не субъектом преступления, а субъектом уголовной ответственности при совершении физическими лицами соответствующих преступлений. В международно-правовых актах отражены также основные положения, в отношении уголовной ответственности юридических лиц, такие как:

- фиксация перечня преступлений, за совершение которых устанавливается уголовная ответственность юридических лиц;

- указываются конкретные обстоятельства, при которых юридическое лицо становится субъектом уголовной ответственности; определяют, что преступление было совершено юридическим лицом (при его участии); определяются подходы по установлению вины юридического лица; приводится перечень наказаний (санкций), которым могут быть применены к юридическим лицам;

- требование о применении в отношении юридических лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие санкций, включая денежные санкции; а также констатация того, что привлечение к ответственности юридического лица не должно наносить «ущерба уголовной ответственности физических лиц, совершивших преступление» (3).

Таким образом, исследование международно-правовых норм об уголовной ответственности юридических лиц позволяет сделать вполне обоснованный, на наш взгляд, вывод о той колоссальной по своим масштабам работе, которая ведется мировым юридическим сообществом в направлении решения проблем, связанных с привлечением юридических лиц к уголовной ответственности.

Источники:

(1). Уголовный кодекс Кыргызской Республики №19 от 1 февраля 2017 года. Утратил силу в соответствии с Законом КР от 28 октября 2021 года №126. <https://kurl.ru/imEqJ>

(2). Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового экономического порядка // Седьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Милан, 1985. <https://kurl.ru/lGsuA>

(3). Конвенции о защите окружающей среды посредством уголовного законодательства. Страсбург. 4 ноября 1998 г. <https://base.garant.ru/2563973/>

Список литературы:

1. Маматкеримова Г. Р., Сыдыкова Л. Ч., Ашуралиева Т. М., Исабаев С. М., Сманалиев К. М., Сулайманова Н. Н., Летова И. В., Сатаров У. М., Кулбаев А. К., Сапарбаев Б. К. Кыргызская Республика: концептуальные основы судебно-правовой реформы 2012-2019 годов. Бишкек, 2019. 115 с.
2. Нуртаев Р. Т. О законодательной регламентации уголовной ответственности юридических лиц // Право и государство. 2019. №1. С. 4-14.
3. Урмагова А. Д., Рыспаева Г. С. Юридическая терминология // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. №9. С. 318-324. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/46/42>
4. Сизова В. Н. Анализ международно-правовых норм об уголовной ответственности юридических лиц в контексте введения института уголовной ответственности юридических лиц в российское законодательство // Труды Академии управления МВД России. 2020. №4 (56). С. 78-84.
5. Фёдоров А. В. Основные положения международных договоров об уголовной ответственности юридических лиц // Ученые записки Санкт-Петербургского имени ВБ Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2015. №3 (55). С. 150-165.

References:

1. Mamatkerimova, G. R., Sydykova, L. Ch., Ashuralieva, T. M., Isabaev, S. M., Smanaliev, K. M., Sulaimanova, N. N., Letova, I. V., Satarov, U. M., Kulbaev, A. K., & Saparbaev, B. K. (2019). Kyrgyzskaya Respublika: kontseptual'nye osnovy sudebno-pravovoi reformy 2012-2019 godov. Bishkek.
2. Nurtaev, R. (2019). O zakonodatel'noi reglamentatsii ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits. *Pravo i gosudarstvo*, (1), 4-14.
3. Urmatova, A., & Ryspaeva, G. (2019). Juridical Terminology. *Bulletin of Science and Practice*, 5(9), 318-324. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/46/42>
4. Sizova, V. N. (2020). Analiz mezhdunarodno-pravovykh norm ob ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits v kontekste vvedeniya instituta ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits v rossiiskoe zakonodatel'stvo. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii*, (4 (56)), 78-84. (in Russian).
5. Fedorov, A. V. (2015). Osnovnye polozheniya mezhdunarodnykh dogovorov ob ugolovnoi otvetstvennosti yuridicheskikh lits. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni VB Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii*, (3 (55)), 150-165. (in Russian).

*Работа поступила
в редакцию 24.02.2024 г.*

*Принята к публикации
08.03.2024 г.*

Ссылка для цитирования:

Салыбекова Т. С. Уголовная ответственность юридических лиц и соответствующее использование терминов в тексте // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. №4. С. 498-502. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/61>

Cite as (APA):

Salybekova, T. (2024). Criminal Liability of Legal Entities and the Corresponding use of Terms in the Text. *Bulletin of Science and Practice*, 10(4), 498-502. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/101/61>